

УДК 327.82.4.5

Т. В. Мармонтова,
к.и.н., доцент кафедры регионоведения
Евразийского Национального университета
им. Л. Н. Гумилева

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – МОНГОЛИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В XXI ВЕКЕ

Аннотация

В данной статье автор рассматривает вопросы активизации региональных взаимодействий между республиками Центральной Азии и Монголией. Автор отмечает, что одной из основных аксиом внешнеполитической доктрины Монголии является «политика третьего соседа», и если первыми двумя являются Россия и Китай, то регион ЦА имеет определенные перспективы на то, чтобы стать третьим.

Ключевые слова: Монголия, Центральная Азия, ШОС, СВМДА, экономика, политика, нейтралитет, «политика третьего соседа».

Abstract

In this article the author analyze key issues of strengthening regional cooperation between Central Asia republics and Mongolia. The author tell, that one of the basic axiom of Mongolia's foreign policy is doctrine of «third neighbor policy». Russia and China are first two but the State from region of Central Asia has some prospects to become the third.

Key words: Mongolia, Central Asia, SCO, CICA, economics, politics, neutrality, «third neighbor policy».

Аңдатпа

Бұл мақалада автор Қазақстан Республикасы мен Моңғолия арасындағы өзара әрекеттестіктің негізгі мәселелін қарастырып отыр. Автор, Монғолияның сыртқы саясатының негізгі аксиомасы «үшінші көрші саясатына сәйкес», Ресеймен Қытай бірінші және екінші көрші болып, Орталық Азия үшінші болуына толық перспективалары бар екенін айқындайды.

Тірек сөздер: Моңғолия, Орталық Азия, ШЫҰ, экономика, саясат, нейтралитет, «үшінші көрші саясаты».

Вопрос изучения региональных взаимодействий представляет собой одну из ключевых проблем современного регионоведения. Одной из базовых основ теории регионоведения является вопрос изучения взаимоотношений регионов в контексте глобальных и региональных взаимодействий. В данной статье будет предпринята попытка проанализировать основные пути развития региональных взаимодействий Монголии и Центральной Азии в современный период.

Современный этап истории евразийского континента показал ускоренные изменения баланса и расстановки региональных сил. На рубеже XX–XXI веков обширные регионы внутренней части Евразийского континента с периферии региональной политики переместилась в один из самых динамичных центров мировой политики и экономики. В современном мире значительно возросла политическая и геоэкономическая роль постсоветской Азии. Центральная Азия исторически была очень глубоко вовлечена в систему макрорегиональных взаимодействий в Евразии. После распада СССР новым независимым государствам пришлось заново заявлять о себе на международной арене. Несмотря на активные контакты СССР и Республики Монголии, конец XX – начало XXI в. стали временем, когда Центральной Азии и Монголии пришлось переосмыслить имеющийся опыт контактов, и модернизировать систему взаимодействий в новых политических и экономических реалиях.

Монголия, которая еще лет 15–20 назад находилась на периферии международной политики, сегодня привлекает к себе все больше внимания мировой общественности, политиков, политологов, экономистов, бизнесменов и СМИ.

Современная Монголия – один из наиболее удачных примеров относительно быстрой и успешной трансформации из бывшей социалистической в современную, динамично развивающуюся, демократическую страну с многопартийной политической системой, рыночной экономикой и открытой внешней политикой. Лидеры США, Великобритании, Германии, Франции, Японии, Республики Корея и других стран видят в Монголии образец развития демократии западного типа, что, в частности, нашло отражение в избрании Монголии председателем Сообщества демократических стран мира на 2011–2013 гг. [1].

Несмотря на кажущееся несходство между Монголией и государствами Центральной Азии, имеются сложившиеся исторические, политические, экономические и культурные связи.

Начнем с того, что само определение «Центральной Азии» как региона, по трактовке ЮНЕСКО включает территории современного Синьцзяна, Тибета, Внешней и Внутренней Монголии, Алтай, Саяны, Забайкалье, Тяньшань, Памир, Туранскую низменность и Казахский мелкосопочник.

После распада СССР Монголия, оказалась в числе первых государств мира, которые признали новые независимые государства. Так, Монголия установила дипломатические отношения с Казахстаном (22 января 1992 г.), с Узбекистаном (25 января 1992 г.) и с Кыргызстаном (22 апреля 1992 г.).

Интересно, что на территории СНГ монгольские посольства работают только в Киеве и Алма-Ате. Отношения Монголии со всеми странами Центральной Азии строятся на общих принципах добрососедства, равноправия и взаимной выгоды, заложенных в ее концепции внешней политики, принятой Великим Государственным Хуралом в 1994 г. в одной корзине с концепцией национальной безопасности и военной доктриной.

Из государств Центральной Азии Монголия заключила договоры о дружественных отношениях и сотрудничестве с Киргизией и Казахстаном, также с ними заключен целый ряд двусторонних соглашений, реализация которых входит в компетенцию двусторонних межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, образованных в соответствии с этими межгосударственными договорами.

Среди всех республик Центральной Азии монголо-казахстанские отношения носят самый интенсивный характер. Одним из решающих факторов, способствующих интенсивным контактам является проживание в стране порядка 100 тыс. этнических казахов (по данным переписи 2010 г.), что составляет крупную казахскую диаспору.

Основополагающим в казахстанско-монгольских отношениях стал официальный визит Президента РК Н. Назарбаева в Улан-Батор в октябре 1993 года, обозначивший основные направления взаимодействия между Казахстаном и Монголией и заложивший договорно-правовую базу двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Улан-Батор поддерживает усилия Астаны в деле укрепления региональной безопасности, а также инициативу о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Монголия является полноправным участником процесса СВМДА.

Монгольская делегация во главе с Генеральным секретарем Азиатской буддистской конференции Т. Булганом принимала участие в работе первого Съезда лидеров мировых и традиционных религий 23–24 сентября 2003 года в Астане.

Между странами действует Межправительственная казахстанско-монгольская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. Одним из приоритетных направлений торгово-экономического сотрудничества между Казахстаном и Монголией является приграничное сотрудничество между Восточно-Казахстанской областью и западными аймаками Монголии.

12 декабря 2007 года в Улан-Баторе состоялась презентация фонда устойчивого развития «Казына». В тот же день заместитель председателя Фонда «Казына» К. Айтекенов был принят Президентом Монголии Н. Энхбаяром. Во время встречи были обсуждены вопросы торгово-экономического сотрудничества двух стран и открытия совместного казахстанско-монгольского инвестиционного фонда.

15 апреля 2008 года в Улан-Баторе был организован бизнес-форум «Казахстан-Монголия», основными направлениями работы которого стали инвестиционная среда, горнодобывающая отрасль, экологическая безопасность и сельское хозяйство. В рамках работы форума представителей казахстанской делегации приняли Президент Монголии Н. Энхбаяр и спикер Великого Государственного Хурала Д. Лундээжанцан. Итогом форума явилось подписание «Меморандума о взаимопонимании» между АО «Kazyna Capital Management» и Министерством торговли и промышленности Монголии.

Основными статьями экспорта Казахстана являются пшеница, мука, нефтепродукты, древесина. Импортируются мясо, шерсть, плавиковый шпат.

По межправительственному соглашению в сфере образования происходит ежегодный обмен студентами вузов двух стран. С 2001–2002 учебного года в г. Ульгий (административный центр Баян-Ульгийского аймака) начал функционировать филиал Восточно-Казахстанского государственного университета.

В июне 1999 года от имени Правительства Казахстана в дар Баян-Ульгийскому аймаку Монголии была предоставлена цифровая телеаппаратура, позволяющая жителям западного региона Монголии смотреть казахстанские телевизионные программы.

В 2003 году Министерство образования и науки Республики Казахстан осуществило поставку учебников и учебно-методических пособий (всего 9600 экз.) для детей казахской диаспоры Монголии.

В марте 2006 года в рамках международного кластерного проекта ЮНЕСКО по продвижению многоязычия, культурного многообразия и образования в Монголии в качестве гуманитарной помощи Национальной библиотекой Казахстана были переданы книги Региональной центральной библиотеке Баян-Ульгийского аймака Монголии.

Казахстанский Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова проводит на территории Монголии ежегодную комплексную этноархеологическую экспедицию, основной целью которой является историко-этнографическое, этносоциологическое исследование казахов Монголии, а также архитектурно-археологические изыскания по памятникам древних тюрков на территории Монголии.

24 мая 2008 года состоялась безвозмездная передача Центральной государственной библиотеке Монголии книг Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева «В потоке истории» и «Критическое десятилетие», переведенных на монгольский язык. С руководством библиотеки достигнута договоренность об отправке указанных книг в ее региональные представительства в отдаленных аймаках Монголии [2].

Второй страной в регионе по степени активности контактов с Монголией является Узбекистан. Еще в середине 90-х. гг. XX века официальные представители обеих стран работали с проектами общеполитического договора, серией межправительственных соглашений о взаимной защите инвестиций, недопущении двойного налогообложения, о торгово-экономическом сотрудничестве и пр.

Довольно активно развивается торговля; основными продуктами, которые Монголия импортирует из Узбекистана, являются фрукты, удобрения, некоторые наименования электротехнических товаров; экспортируются в эту страну тонкие кишки скота, плавиковый шпат, нефелин и др. Кроме того, некоторые монгольские компании начали экспортировать в Узбекистан аммиак, необходимый для холодильных установок. Если пытаться говорить, о перспективах развития отношений, то здесь сотрудничество может активизироваться в сторону усиления участия Узбекистана в рамках различных проектов и инициатив Монголии по созданию Центра стран, не имеющих выхода к морю.

Вместе с тем можно говорить о том, что определенным сдерживающим фактором в развитии взаимоотношений ЦА и Монголии может явиться панисламизм, для которого Монголия – это барьер в его продвижении на Восток [3].

Процесс экономической и политической модернизации в современной Центральной Азии нашел свое выражение в переориентации внешней политики стран региона, повышении политической роли многосторонних структур – ШОС, ЕврАзЭС и ОДКБ, АСЕАН, СВМДА. В связи с этим имеет смысл говорить о Монголии как о важном направлении интеграционного вектора для ЦАР.

Развитию политического диалога Монголия – ЦА способствовали дипломатические и межкультурные отношения. Активно осуществляются межпарламентские контакты: так, еще в 2003 году подписан протокол о сотрудничестве между Мажилисом Парламента Республики Казахстан и Великим Государственным Хуралом Монголии.

Казахстан заинтересован в создании развитой транзитной сети на юге Алтайской горной системы. Транспортная магистраль «Горно-Алтайск – Риддер» позволила бы сократить путь из Восточно-Казахстанской области в Кош-Агачский район Республики Алтай или Баян-Ульгийский аймак Монголии на сотни километров. Большая работа проводится в рамках международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай», которая объединяет законодательные органы приграничных регионов Китая, России, Монголии и Казахстана [4].

Когда мы говорим о региональном взаимодействии в регионе Монголия-ЦА в современный период, приходит на ум метафора «новой Большой игры», которая была заимствована из политического дискурса XIX века, когда Великобритания и Россия вели борьбу за влияние в Центральной Азии (включая Тибет и Монголию). Как отмечает А. А. Казанцев: «Большая игра – это одновременно и метафора, и историческая реальность, существующая на протяжении более двух столетий. У нее имеются глубокие корни в традиционной для Центральной Азии исторической и геополитической многовекторности. Время «Большой игры» еще не окончено. Однако и оснований считать «Большую игру» вечной тоже нет. Привычная для региона

геополитическая многовекторность, как мы знаем из истории, может принимать и другие формы, помимо борьбы за регион сильных внешних игроков. Во-первых, Центральная Азия способна сама породить великие империи. Примером могут служить государства парфянов, хуннов, тюркютов, сельджуков, Чингиз-хана и Тамерлана. Во-вторых, вполне представима ситуация, когда какой-то из внешних игроков победит, и тогда «Большая игра» будет приостановлена (фактически, это имело место в советский период). Скорее всего, именно такой и будет судьба Центральной Азии в перспективе ближайших 50-70 лет. В-третьих, растущая интеграция может сделать «Большую игру» не нужной. Правда, это – перспектива, скорее, целого столетия, если не больше».

Однако современная ситуация отличается иной геополитической конфигурацией региона. Изменилась роль классического треугольника Россия – Монголия – Китай в связи с усилением новых акторов региональной политики в лице США, Южной Кореи и возвращением Японии, потерявшей свои позиции после поражения в 1945 г. Такое количество игроков обусловило специфику проводимой ими политики в отношении Монголии. Сочетание как жесткой, так и мягкой силы характеризует набор современных методов борьбы за влияние в Монголии.

Концепция мягкой силы в случае Монголии актуальна в силу ее геополитического положения. Эта страна граничит только с Китаем и Россией, но сотрудничает с США, считающими себя «третьим соседом», уравнивающим позиции двух других «соседей» [5, с. 3–5].

У всех названных выше задач Большой игры есть существенный макрополитический контекст – это борьба за влияние в новых независимых государствах ЦАР, которая во многом развивается вокруг проекта «Великий Шелковый Путь». Как отмечал Ф. Старр: «Западная Европа, Китай, Ближний Восток и Индийский субконтинент могут, со временем, соединиться друг с другом через Центральную Азию магистралями автодорог, железных дорог и технологий для транспортировки газа, нефти и гидроэлектростанций. Этот «новый Шелковый путь» имеет огромный потенциал для всего Евразийского континента, и особенно для стран «Большой Центральной Азии», через которые они должны пройти». Его задача – направить большую часть ресурсов этого богатейшего региона (в т.ч. и Монголии) в Европу. Для этого необходим контроль всей протяженности этой артерии, отправной точкой которой может стать Улан-Батор. Поэтому борьба за Монголию является важнейшим сюжетом в развернувшейся Новой Большой игре. Пока это весьма умозрительная модель коммуникаций, и они существуют как политический проект, а их воплощению мешает политическая нестабильность в регионе [6, с. 123].

С отказом в начале 1990-х гг. от односторонней внешнеполитической ориентации на Москву Улан-Батор сделал выбор в пользу стратегии многовекторности. И данные внешнеполитические установки явились основой для развития регионального уровня отношений с внешним миром. Одним из таких региональных направлений является Центральная Азия, это однозначно зафиксировано в концепции внешней политики Монголии.

Современная политическая ситуация в Монголии способствует ровной внешней политике, при которой курс не меняется по прихоти отдельного лидера. В XX веке Монголия была политически скорее восточноевропейской страной, чем азиатской. В современных условиях страна будет естественным образом притягиваться к Восточной Азии, роль которой постоянно возрастает. Монгольские эксперты неоднократно подчеркивали, что Монголия – нейтральная страна, «друг всех народов». На этой основе строится ее взаимодействие с другими государствами.

Приоритетным направлением внешней политики для Монголии остаются Россия и Китай (без указания порядка), то есть страны, с которыми есть сухопутная граница. Все остальные государства в Монголии называют «третьим соседом», что с 2010 года записано в официальных документах [7]. Но в то же время Монголия понимает, что диверсификация торговых и дипломатических отношений добавляет ей стабильности. С этой целью Монголия расширяет свое участие в различных международных организациях и проектах. Так, в 2003 г. Улан-Батор отправил небольшой контингент своих военных в Ирак, и с тех пор монгольские войска находятся в коалиции под руководством США. Монголия также направила своих военных в Афганистан. Кроме того, монгольские военные принимают участие в миротворческих миссиях ООН в Конго и Сьерра-Леоне.

Улан-Батор стал членом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и пытается войти в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

Примечательно, что Монголия не стремится войти в Шанхайскую организацию сотрудничества и продолжает оставаться в статусе наблюдателя.

Монголия ищет международных партнеров для помощи в разработке крупных месторождений меди, золота, урана и угля [8].

История институционального участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества ведёт свой отсчёт с июня 2004 года. Тогда на Ташкентском саммите этой организации Монголия стала первой страной со статусом постоянного наблюдателя. После этого монгольские представители принимали участие во многих мероприятиях под эгидой ШОС, а монгольская территория становилась местом проведения подобных мероприятий. Например, в январе 2010 года в Улан-Баторе впервые прошло заседание Делового совета ШОС. Экспертное сообщество стран-членов ШОС также называет Монголию кандидатом № 1 на принятие в ряды постоянных членов. Данное единодушие в отношении кандидатуры Монголии контрастирует на фоне иных кандидатур в постоянные члены этой организации – Индии, Пакистана и Ирана, по поводу которых нет консенсуса среди постоянных членов ШОС.

Рост террористической активности обуславливает активизацию сотрудничества в данном направлении. Монголия, хоть и напрямую не сталкивалась с проявлениями терроризма и экстремизма, сотрудничает с государствами Центральной Азии в рамках ПАТС ШОС. В период с 17 по 20 марта 2014 года делегация ПАТС ШОС посетила с рабочим визитом г. Улан-Батор по приглашению монгольской стороны. В ходе визита обсуждались проблемы безопасности в Центральной Азии и противодействия угрозам терроризма, сепаратизма и экстремизма в регионе, вопросы взаимодействия между ПАТС ШОС и компетентными органами Монголии и другие проблемы, представляющие взаимный интерес, также был согласован текст Протокола о сотрудничестве между ПАТС ШОС и Антитеррористическим координационным Советом Монголии, который планируется подписать после соответствующего решения Совета ПАТС ШОС [9].

До последнего времени Монголия не подвергалась террористическим атакам, и на её территории не фиксировалось присутствие религиозных экстремистских группировок. Монголия находится вне основных маршрутов транспортировки наркотиков и оружия. Страна в этнокультурном плане относительно гомогенная (второе по численности после монголов казахское население составляет около 7%) и практически не сталкивается с проблемой сепаратизма и межэтнических конфликтов. Поэтому такой фактор сближения, как общность региональных угроз и вызовов, не работает в случае с Монголией, а скорее, наоборот, отдаляет страну от сотрудничества с государствами Центральной Азии.

История институционального участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества ведёт свой отсчёт с июня 2004 года. Тогда на Ташкентском саммите этой организации Монголия стала первой страной со статусом постоянного наблюдателя. После этого монгольские представители принимали участие во многих мероприятиях под эгидой ШОС, а монгольская территория становилась местом проведения подобных мероприятий. Например, в январе 2010 года в Улан-Баторе впервые прошло заседание Делового совета ШОС. На расширенном заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС в Душанбе в ноябре 2010 года глава монгольского МИД Г. Занданшатар предложил провести в Улан-Баторе в 2012 году форум учёных из стран ШОС [10]. Более того, в 2006 году в преддверии Шанхайского саммита ШОС глава МИД Монголии Н. Энхболд заявил о необходимости расширения форм участия постоянных представителей в ШОС.

В свете принятого на ташкентском саммите ШОС в 2010 году «Положения о порядке приёма новых членов ШОС» получил новое звучание вопрос о возможном расширении рядов постоянных членов этой организации за счёт Монголии. В частности, президент Узбекистана Ислам Каримов на встрече с президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем во время работы ташкентского саммита заявил, что «судя по настрою глав государств-членов ШОС, я предполагаю, что Монголия одним из первых может стать её полноправным членом».

Можно сказать, что по всем внешним признакам Монголия является самым желанным потенциальным членом ШОС и наименее «проблемным» постоянным наблюдателем при этой организации. Само расположение страны между двумя лидерами ШОС – Россией и Китаем, говорит в пользу активного вовлечения Монголии в деятельность этой организации.

Однако спустя почти десятилетие после получения статуса постоянного наблюдателя Монголия так и не стала постоянным членом данной организации и не выражает особого

стремления к изменению своего статуса. Плохое состояние средств коммуникации и неотлаженность логистической системы в западном направлении (у Монголии отсутствует железнодорожная связь с республиками Центральной Азии, плохо развиты автодороги), отсутствие прямого выхода к морским портам объективно ограничивают расширение внешнеэкономических связей Монголии со странами Центральной Азии. Кроме того, монгольская экономика традиционно ориентирована на экспорт сырья, прежде всего, продукции горнорудной отрасли – угля, меди, золота, молибдена, и этим во многом схожа с экономиками центральноазиатских республик [10].

Определённый интерес у Монголии вызывает сотрудничество в сфере поставок энергоносителей (нефти и газа) из Центральной Азии. Монголия, на 90% удовлетворяющая свои потребности в нефти и нефтепродуктах за счёт импорта из России, заинтересована в диверсификации поставщиков энергоносителей, в том числе из стран Центральной Азии. Однако, учитывая значительные запасы собственной нефти, в ближайшие годы Монголия намерена создать отечественный сектор нефтедобычи и переработки нефти, что также снизит заинтересованность Улан-Батора в экономическом сотрудничестве с центральноазиатским регионом.

Наконец, существует ещё один фактор, скорее препятствующий, нежели сближающий Монголию и страны ЦА. Распад СССР поставил новые независимые республики Центральной Азии и Россию перед необходимостью урегулирования пограничных вопросов с КНР. Монголия, в 1990-е гг. не имевшая пограничных вопросов со своими соседями, по определению была вне основной повестки сотрудничества в центральноазиатском регионе. Соответственно в 2000-е гг. для Улан-Батора, в отличие, например, от Бишкека или Душанбе, не было эффекта сотрудничества в Центральной Азии.

Таким образом, в ближайшее время проблематично говорить о принятии Монголии в ШОС на правах постоянного члена. Нынешний статус постоянного наблюдателя для монгольской стороны представляется самым оптимальным. Став же постоянным членом ШОС, Монголия будет обязана брать на себя ряд обязательств в политической и социально-экономической сферах отношений с остальными членами (в первую очередь с Россией и Китаем), что ограничит свободу действий страны в сфере внешней торговли и инвестиционной политики [9].

Делая выводы, следует отметить, что участие Монголии в жизни Центральноазиатского региона сегодня не очень велико. Монголия, объявляя одним из принципов собственной внешней политики нейтралитет, пытается его соблюдать. Кроме того, учитывая принятую «политику третьего соседа», можно говорить о наличии двух супер игроков, которые претендуют на ведущие роли в развитии отношений с Монголией. Однако именно эта политика даёт определенные перспективы региону ЦА на то, что ситуация может измениться. Россия и Китай и в нашем регионе являются одними из самых серьезных внешних игроков. Поэтому можно говорить о том, что при интересе Монголии страны Центральной Азии могут с удовольствием пойти на активизацию взаимодействия, не только в силу имеющих место этнокультурных контактов, но и из-за явных геополитических выгод для обеих сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Грайворонский В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top.
- 2 Монголия далекая и близкая Справка Казинформа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/117703-mongolija-dalekaja-i-blizkaja.htm>
- 3 Гольман М. И. Монголия и СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostokoved.ru/Россия-Ближнее-и-Дальнее-Зарубежье-Азии/golman.html>
- 4 Нуртазина Р. А. Межкультурный диалог в контексте Центральной Азии, Монголии и Кореи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/2586/Mejkulturni-dialog.pdf>
- 5 Михалев А. В. Монголия в новой большой игре: роль неформальных институтов мягкой силы: Автореф. дисс. ... доктора политических наук. – Улан-Удэ, 2013. – С. 3–5.
- 6 Михалев А. В. «Новая большая игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // *PolitBook* 3. – 2012. – С. 123.

